

R

Был дождливый день 14 Октября 1894 года.

Улицы Парижа, погруженные в тяжелый туман, все еще были окутанные холодной дымкой, которая хлестала в лицо отважным пешеходам осмеливавшиеся выйти на улицу, несмотря на переменчивую погоду.

За весь день солнце едва успевало пробиться сквозь завесу серых испарений.

На углу улицы Сент-Клод богатого квартала, почти исключительно застроенной княжескими домами и господскими гостиницами стояла, уже два долгих часа, молодая и красивая женщина, но с бледным от холода лицом.

Ее стройная, хорошо талия исчезала под плотным плащем, который обвивал ее тело до самой шеи, но позволивший угадать, однако, полные, молодые изгибы.

Ее черные волосы, воронового крыла, были изящно заправлены в кокетливо отделанную цветными лентами шапочку, с которой спускалась густая вуаль.

Время от времени она поднималась по улице Сен-Клод на несколько шагов, чтобы, почти сразу же, вернуться за угол, откуда лихорадочно следила за проходившими путниками.

Она держала голову опущенной, но ее глаза со странным выражением светились темным огнем под прозрачной вуалью.

Осенний ветерок играл в ее одежде, мелкий дождь пронизывал ее тело, и временами дрожь сотрясала конечности молодой женщины, но по ней не было заметно, что она собирается покинуть в ближайшее время свой наблюдательный пункт. Её нетерпение росло с каждой минутой. Её правая рука крепко держала странный предмет.

Словно это было сокровище, которое она боялась потерять, она судорожно прижимала к задыхающейся груди хрустальный флакон, наполненный бесцветной жидкостью, и время от времени она смотрела на него яростным взглядом.

— Настал день мести, — шептала она, дрожа. — Настал час, когда он заплатит свой долг!.. Пусть вина ляжет на него одного!.. О, разве это не его шаги?

Нет, никого. Роскошный квартал казался покинутым своими обитателями, которые находились дома за ужином.

— Купорос! — проговорила бледная женщина глухим, полным угроз голосом, вытягивая пробку со смертоносного флакона. — Он сломал мою жизнь!.. А я отравлю его жизнь навсегда. Это обманчивое лицо, которое для меня, казалось, излучало любовь, будет изуродовано ужасными шрамами, эти глаза, в которых я думала, что вижу отражение его верной души больше никого не обманут! Они будут будут поражены вечной слепотой!..

На этих ужасных словах молодая женщина пошатнулась и была вынуждена прислониться к стене.

Твердый, решительный шаг прозвучал вдалеке по булыжникам дороги, который быстро приблизился в её сторону.

Через несколько мгновений из-за угла улицы Саин-Клод появился мужчина, высокого роста, в военной шинели.

Его воротник, пропускал тонкий золотой шнур, свойственный штабным офицерам. У молодого капитана был добродушный, радостный взгляд. Его светлые волосы и усы того же оттенка, казалось, указывали на происхождение от сынов Эльзаса.

Несмотря на дождь и холод, выражение веселого лица, оживляло его выразительные черты.

Радовался ли он, что находится всего в нескольких шагах от своего счастливого жилища?

Наслаждался ли он заранее чувством наслаждения, когда будет прижимать к груди возлюбленную невесту и розовощекого и белокурого сына-херувима, его гордость и надежду?

С бьющимся сердцем и непринужденно смеясь над ожидавшими его радостями, молодой капитан еще быстрее ускорял шаг.

Но вдруг перед ним встала тень и раздался голос:

— Предатель, прими свой приз.

Одним взглядом он увидел, что к нему поднялась рука, державшая смертоносный флакон, а затем увидел бледное, исхудавшее лицо молодой женщины, глаза которой пылали.

Он резко наклонился, и его рука в перчатке резким движением отвела ту руку, что угрожала ему.

Бутылка с кислотой покатилась по булыжникам дороги, и разлетелась на тысячу осколков.

— Трус! — крикнула женщина. — Ты избежал моей мести, но в другой раз ты не сможешь спастись.

Она уже собиралась убежать.

— Глупая! — тихо ответил офицер, крепко схватив ее за руку и увлекая в тень соседней улицы. — Значит, ты хочешь бежать от своей гибели и обрести свою жизнь на несчастье?

— На несчастье! — сказала девушка с мрачной горечью в голосе. — Давно, же вы капитан Дрейфус, загнали меня в бездну стыда и отчаяния. В тот день, когда вы оставили нас с моим ребенком, чтобы жениться на женщине мира, богатой и могущественной, именно вы и поставили печать на наши несчастья.

— Значит, ты не хочешь забыть и простить меня, моя бедная Кристина? — спросил капитан мягким, дрожащим голосом. — И все же ты знала, что с юных лет моя кузина предназначалась мне? Разве я когда-нибудь делал для секретом мою помолвку? Давал ли я когда-нибудь тебе какие-нибудь обещания, которые могли бы заставить тебя надеяться, что я разорву узы, предшествовавшие нашей мимолетной связи?

— Это правда! — мрачно ответила девушка. — Но разве каждое объятие, каждый поцелуй любви не равносильны самой священной из клятв? И когда наш ребенок появился на свет, разве не был ваш долг честного человека дать ему имя?

— Да, ребенок, — произнес Дрейфус, вздыхая.

На его лице появилась мрачная тень.

— Несчастное дитя, плод минуты заблуждений и слабости, сделавшее в этом виновными всех нас!

— Воспоминание об этом ребенке не будет долго тревожить твой покой, — едва слышным голосом произнесла бедная Кристина. — Он смертельно болен, лежит в мансарде, открытой всем ветрам, где мы были вынуждены укрыться. Холод и голод сведут его в могилу!

— Голод и холод! — воскликнул капитан с великодушным возмущением. — Если это так, если ты докатилась до этого, только ты в этом виновата! Бог, который сейчас слышит меня, знает, сколько раз я умолял тебя на коленях разделить со мной мое состояние, сколько раз я хотел бросить тебе к твоим ногам золото, дать приют, приют от нужды, а ты решительно отказываешься!

Молодая женщина гордо выпрямилась:

— Нам не нужно твое золото. Чего мы хотим, так это твоей любви, и тебя!

— Но моя любовь принадлежит другой, Кристина. Я клялся у алтаря в вечной верности. Моё все сердце принадлежит спутнице, с которой я объединился перед Богом.

Из груди молодой женщины вырвался болезненный вздох.

— И эта спутница подарила тебе счастье? — спросила несчастная, устремив свои пылающие глаза на лицо капитана, тускло освещенное последними отблесками дня. Ты счастлив с ней... совершенно счастлив.

— Я люблю Люси! Я люблю её и люблю моего сына, моего маленького Андре, сына нашей вечной любви.

— О Кристина, — продолжал он с мучительным волнением, в то время как его глаза наполнились слезами, — если ты действительно любила меня, если моя собственная страсть когда-либо заставляла твое сердце биться во время интрижки, которую, как ты знала, не могла продлиться, помилуй меня, не вынуждай меня пойти против клятв! Если мы потерпели неудачу, если поддались на миг забвению, виноват не я один. Ничего не требуя от меня, ты сдалась, увы! И я взял тебя! Прими от меня то, что мне дозволено дать тебе. До последнего дня я буду присматривать за твоим ребенком и за тобой... Больше того... Прослушай... Я бы во всем признался своему брату Матье. Я возьму его в качестве поверенного лица по своей вине, он юн. Его сердце благородно и снисходительно... Он всегда нежно любил меня... Он примет твоего ребенка, он поставит его на ноги так, словно он его собственный, а я смогу видеть его и поцеловать, не краснея!.. Но не мешай моему счастью!

Не вливай яд ревности и сомнений в сердце моей доверчивой Люси... Кристина, умоляю тебя!.. прости и забудь!

Произнеся эти последние слова, молодой капитан соединил руки в невыразительной мольбе. Даже каменное сердце дрогнуло бы при столь сильных убеждениях.

Но у бледной женщины уже не было сердца, вернее, она намеренно вырвала из него все человеческие чувства.

Она покачала головой, и пряди ее черных волос, взмокшие от дождя, зашевелились вокруг ее

лба, как раздраженные змеи.

Она закрыла глаза, словно чтобы в них он не смог прочесть мысли, которые бушевали в её душе.

— Все это, — медленно произнесла она, — нельзя обсуждать, здесь, на улице, и стоит всё обдумать. Мы поговорим об этом позже. Почему бы вам сперва не навестить меня? Разве у вас не хватило бы смелости показаться у постели умирающего сына?

Дрейфус поднес руку к груди и слабым голосом ответил:

— Хорошо, я пойду!

— В таком случае следуйте за мной. Здесь не далеко. Вы еще успеете понежиться в объятиях друг друга, той счастливой женщины... и законной перед Богом!

— И где же ты теперь живешь? — спросил офицер, колеблясь.

Кристина расхохоталась иронично и язвительно.

— Вероятно, вам вряд ли понравится в моем новом жилище, — сказала она, хватая его за руку и заставляя следовать за ним. Роскошный будуар, где вы лежали у ног аплодируя Кристине де Сериньян, уступил место жалкой мансарде в предместье Сент-Антуан. Матушка Казот, приютившая нас, — старая и отвратительная компаньонка, репутация которой не из лучших. Говорят, что у неё так просто сложилась жизнь. Но она хорошая женщина и присматривает за моим ребенком, когда я вынуждена оставлять его одного дома.

Кристина шла широким шагом и с такой поспешностью, что Дрейфус едва поспевал за ней.

Ее охватило перевозбуждение, которое выдавало в себе энергию и решительность ее движений.

Вскоре они миновали Пон-Неф и направились к густонаселенному рабочему предместью.

Протиснувшись сквозь уличную толпу, молодая женщина резко повернула, чтобы завернуть в темный тупик, и остановилась перед строением, наполовину разрушенным, низким, грязным, зловонным, которые до сих пор так часто можно встретить в столь блестящем Париже, Эдеме богатых и Аде обездоленных!

Первый этаж, вернее, подвал этого убежища, был занят кабаком, куда спускались по нескольким ступенькам.

Из отвратительного пристанища поднимался наружу гомон, в котором доносились крики, ругательства, богохульства, солдатские песни, которые в достаточной мере указывали на жанр и нравственность его клиентов.

На вывеске, прибитой над дверью, красными буквами красовалась надпись:

«Гостиница, Золотая мельница».

Прежде чем Альфред успел выразить свое изумление по поводу того, почему старый художник сделал подобный выбор в надписи, Кристина схватила его за руку и повела по темному коридору к лестнице, которую он сначала не заметил.

Она заставила его подняться на несколько шатких ступенек и, оказавшись под крышей убогого убежища, открыла маленькую дверь, закрытую просто на защелку.

— Вот и я, мой милый, вот я! — крикнула молодая женщина, вытянув руки, как бы желая, с самого порога прижать ребенка к груди. Я привела к тебе твоего отца, мой маленький Альфред, только поскорее выздоравливай!

Дрейфус, остановился на пороге, обводя взглядом холодный и жалкий чердак.

Привыкнув к благополучию и роскоши своего дома, он вздрогнул. Комната Кристины, если можно было так назвать чердак, открытый всем ветрам, был лишь наполовину освещен маленькой керосиновой лампой, распространявшей едкую вонь.

Стол, два стула, хромой шкаф, стоявший вместо платяного шкафа, кровать и детская койка, составляли вест набор мебели, словно обвиняя последнего в несчастье.

Как только бывшая артистка вошла, старуха с брюзгливыми формами и отталкивающим уродством тела, встала с тростникового кресла, стоявшего у постели больного ребенка.

— Это Вы, наконец! — воскликнула ужасная старуха плаксивым тоном, тоже протягивая руки, но как бы не давая матери приблизиться к маленькой кровати. Оставайтесь там, оба, и имейте мужество, потому что оно вам понадобится...

— Ребенок! — воскликнула Кристина, шатаясь, и Дрейфус был вынужден поддержать ее, чтобы она не упала на пол. — Говорите, матушка Казот, говорите! Что с ним?

— Умер! — ответила хозяйка, не выказывая особого волнения. И пожав плечами, как бы выражая свое равнодушное мнение, она оставила несчастную мать с капитаном.

С той же яростной страстью, с какой она питала к нему любовь, как и ненависть, молодая женщина бросилась к мертвому ребенку и, обезумев от боли, позволила себе упасть на колени у подножья маленькой кровати.

Дрейфус, сам того не желая, прошептал ей на ухо несколько слов утешения.

Он наклонился к ней и осторожно попытался оторвать ее от этого мрачного зрелища.

Но Кристина с силой схватила его за руки и, медленно выпрямившись, заставила посмотреть ей прямо в глаза.

— Предатель! — воскликнула она, — лжец и лживый соблазнитель, — взгляни сюда на одну из своих жертв! Разве тебе этого недостаточно? Хочешь ли ты погубить и меня?

— Кристина, заклинаю тебя!

Она не дала ему закончить. Вперив своим пламенным взглядом заблестевшие глаза в своего бывшего любовника, она возобновила с удвоенной интонацией:

— Капитан Альфред Дрейфус, возможно, в последний раз обратился к такой женщине, которую ты любил и которая до сих пор любит тебя, горячо, безумно, безраздельно! Послушай меня. Останься со мной. Отнесем нашего бедного ребенка в его последнее пристанище, а потом уедем из Парижа, из Франции, отправимся далеко за границу, где никому до нас не будет дела!.. Оставь этой другой женщине свое имя, оставь ей свое состояние... Но будь моим,

полностью моим, только моим!

Никогда еще Кристина не казалась ему прекраснее, чем в этот ужасный миг.

Глаза ее пылали ненасытной любовью, ее гибкое, сладострастное тело, было готово отдаться в самых безумных объятиях.

Ее длинные распущенные волосы, казалось, хотели обвиться вокруг его головы.

Она прижалась к нему, положила голову на плечо Дрейфуса, отчего тот почувствовал, как горит лицо молодой женщины.

Внезапно он освободился из её объятий и сделал два шага назад.

— Прощай! — сказал он сдавленным голосом.- Прощай навсегда! Моя жена и мой сын ждут меня их чистая и целомудренная любовь отныне для меня мое самое драгоценное сокровище. Бери этот кошелек... Завтра к тебе придёт мой брат Матье, чтобы обеспечить твоё будущее. Что касается меня, то ты меня больше не увидишь!

И, словно изгнанный из этого места фуриями, он рванулся вперед... Но не успел он еще дойти до двери, как монеты покатались к его ногам по полу.

Раздался бешенный крик, в котором уже не было ничего человеческого:

— Капитан Дрейфус, вы только что произнесли свой приговор! Отчаяние, в которое ты вергаешь меня, в сотый раз отразится на твоей жене, на твоём ребенке, на всю твою родню! ... Имя Дрейфуса будет ненавидеть и проклинать вся Европа! Твое счастье рухнет в разверзшуюся бездну под твоими ногами! Закованный в кандалы и погибший, ты исчезнешь с лица земли!.. Клянусь здесь, перед остывшим трупом своего ребенка, убитого тобой!.. Эта рука, которая только что закрыла глаза твоей жертве, поднимается, чтобы произнести безжалостную клятву!.. Горе и гибель всем, кто будет носить твоё имя!

Побледневший и словно превратившийся в каменную статую, офицер застыл пригвожденный к порогу мансарды, с ужасом созерцая страшную Кристину, проклинявшую его возле трупа своего ребенка.

Больше никогда эта мрачная и трагическая сцена не сможет стереться из его памяти!

Собравшись с силой воли он оторвал взгляд от этого жуткого зрелища, спустился по ступенькам и выскочил на улицу.

За его спиной раздался взрыв адского смеха.

Оставшись одна, Кристина быстро направилась в угол комнаты. Она опустилась на колени и лихорадочной рукой подняла доску, где было отверстие в полу.

Она вынула из него пачку писем, связанных в стопку при помощи ленточки.

С безумным смехом, который казался еще страшнее, когда находился рядом мертвый ребенок, она трянула своими черными косами, развернула сверток и принялась перебирать, одно за другим.

Внезапно глухое восклицание сорвалось с ее губ. Был ли это крик радости, ненависти, облегчения или мести?.. Сердце возмущенной женщины непостижимее, чем море.

В руке она держала листок бумаги, покрытый лишь несколькими строчками явно, написанными мужчиной. В её глазах заблестела ярость, она уставилась на него так, словно это был документ огромной ценности.

— Письмо Иуды! — прошептала она глухим голосом. То, что он написал в шутку, станет петлей, которая его задушит! Несколько слов, ловко добавленных, изменят его смысл и придадут ему роковой смысл!.. Ах! Ты подарил мне состояние!.. Эта бумага будет стоить мне того, что превзойдет в тысячу раз твою унижительную милостыню... Мою месть!.. И также и золото, столько, сколько я захочу.

Она встала и повернула голову.

Позади нее стояла мать Казотт.

Отвратительная матрона загадочно улыбалась.

— Он здесь, — тихо сказала она на ухо Кристине. — Вот уже два часа он ждет, совсем один, в кабинете, где я его оставила!.. Надеюсь, на этот раз он не уйдет ни с чем.

Жестокая улыбка заиграла на губах молодой женщины, грудь тяжело вздымалась и она с трдом дышала.

— Нет, он явился сегодня вовремя! — ответила она. — Вы правы, сегодня он не потерял даром время... У меня тут то, что он хочет.

— Тогда пойдем. Ты знаешь, что он не хочет, чтобы его узнали, поэтому он заставил меня закрыть ставни и ты будешь должна говорить с ним в темноте.

— Хорошо! Мне всё равно! Проведите меня к нему.

Старуха сделала знак, и Кристина, оставив тело ребенка, последовала за ужасной старухой по лестнице, которая скрипела под тяжестью ее бесформенной массы.

Спустившись вниз, хозяйка открыла маленькую дверь, о существовании которой никогда прежде не подозревала женщина, и обе вошли в сырой и темный коридор.

Кристина не видела не зги не дальше шага перед собой, но мать Казотт взяла ее за руку.

Дойдя до конца коридора, старуха отодвинула портьеру, и они оказались в крошечной комнате, где закрытые ставни не пропускали ни единого дневного луча.

Молодая женщина, чьи глаза успели уже немного привыкнуть к темноте, разглядела силуэт высокого мужчины.

— Оставьте нас, — приказал он грубым, властным голосом.

Хозяйка Золотой мельницы поспешила исполнить приказание и удалилась так быстро, как позволяло её чудовищное телосложение.

— У вас есть письмо, мадам, — снова заговорил голос, — которое содержит строки, которые, написанное рукой Дрейфуса?

— Есть, оно написано от его руки.

— И вы согласны уступить его нам за сумму в сто тысяч франков? Я могу выписать чек Английского банка в Лондоне, где вам оплатят сумму, как только вы предъявите его.

— Я готова совершить обмен, — ответила Кристина, голос которой дрогнул и побледнел еще в тени. Но, у меня есть одно условие, вернее вопрос...

— Говорите, я слушаю. Надеюсь, я сумею удовлетворить вас.

— Удар, который поразит Дрейфуса, должен быть настолько решительным, чтобы он никогда не смог подняться на ноги.

Незнакомец сухо усмехнулся:

— Этот удар раздавит его, — сказал он. — Не бойтесь, мадам, имя Дрейфуса будет вычеркнуто из реестра живых.

Твердая рука схватила руку Кристины, и она почувствовала, как бородатое лицо склонилось к ее уху, чтобы шепнуть ей несколько слов вполголоса.

— Ах! -воскликнул она. Это правда? На всю жизнь!..

— Именно.

— Берите, берите!

И она с яростной радостью протянула незнакомцу письмо, которое недавно достал из пакета.

Мужчина подошел к двери на секунду приоткрыл дверь.

Беглый луч света проник в крошечную тьму, и вскоре исчез.

Незнакомец стоял спиной, Кристина не могла различить черты его лица.

— Это письмо! — сказал он сдавленным голосом. — А вот оговоренная плата. — Когда вы намерены покинуть Париж, мадам?

— Там, наверху, — слабо ответила Кристина, — там, наверху, лежит труп моего ребенка!.. Как только я доверю его земле...

— Не стоит утруждаться! Мы сделаем все необходимое за вас. Положитесь на меня. Но вы должны уехать сегодня же вечером или, самое позднее, завтра утром, в первом часу.

Наступила тишина, нарушаемая болезненным вздохом.

— Да будет так! — сказала молодая женщина.

— Теперь, когда все в порядке, я должен откланяться. Желаю вам счастливого путешествия и счастливо добраться. Но не забывайте, что вы должны молчать... В ваших же интересах быть немой, как могила.

Незнакомец прошел мимо Кристины, чтобы уйти, но она удержала его за пальто.

— Еще минутку! — сказала она взволнованно. — Когда, скажите... произойдет это?

— Этой же ночью. Все готово. Только этого письма и не хватало. Но благодаря вам мы его задержим! Вы только что, как будто сами подписали смертный приговор Альфреду Дрейфусу.

Мужчина исчез в коридоре, раздавался эхом лишь звук его удаляющихся шагов.

— Как будто я сама подписала смертный приговор! — прошептала Кристина эхом.

Страшный, бессмысленный, сверхчеловеческий крик раздался во тьме. Этот крик был похож на крик, когда живьем вырывают сердце из груди.

За тем последовал звук тела, тяжело упавшего на пол.

<http://tl.rulate.ru/book/32833/712776>